

Социальные и этнические проблемы Латинской Америки

Т.А.МЕДВЕДЕВА, кандидат исторических наук

Индийское движение в Венесуэле

Организованное индийское движение в Венесуэле зародилось в начале 70-х годов, однако общенациональная организация Национальный индийский совет Венесуэлы (Consejo Nacional Indio de Venezuela, CONIVE) была создана лишь в 1989 г. Движение, разделенное межэтническими и межпартийными противоречиями, впервые консолидировано выступило на национальном уровне лишь в 1999 г., когда под руководством CONIVE, опиравшегося на поддержку У.Чавеса, был выработан единый список требований гарантий политических, экономических и социокультурных прав индейцев, вынесенный на обсуждение Конституционной ассамблеи. Это ознаменовало переход «индейской» проблемы из ряда маргинальных политических тем в число важнейших вопросов государственной политики.

Многие из вышеназванных требований нашли отражение в Конституции 1999 г., впервые законодательно закрепившей комплекс юридических норм, гарантирующих права индейцев. Среди важнейших: представительство в органах власти всех уровней, официальный статус индейских языков, право на сохранение традиционных форм хозяйства и общественной организации, на адаптированное к их нуждам образование и здравоохранение, равные трудовые права. Эти положения получили развитие с принятием последующего законодательства.

В течение следующих лет CONIVE сохранял ведущую роль в диалоге с правительством. Его лидеры возглавили государственные органы, занятые решением индийского вопроса. Однако обострение внутренних противоречий, обусловленных как соперничеством между лидерами CONIVE и региональных организаций, так и сложным этническим составом индийского населения, привело к расколу объединения и ослаблению его влияния в ряде штатов страны. Вместе с тем, наряду с ростом влияния региональных организаций, наиболее сильные из которых действовали в штатах, где проживает многочисленное коренное население (Амасонас, Боливар, Дельта-Амакуро, Сулия), следует отметить появление новых индийских партий, претендующих на роль общенациональных. В частности, две из них — близкая к чавистам «Evolución» и примыкающая к оп-

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, № 4, 2010.

позиции «Tavala» — в 2004—2008 гг. значительно расширили географию своей деятельности.

Государство стремилось поставить под контроль индейское движение. Наиболее влиятельные лидеры включались в ряды правительства, массы вовлекались в партийные организации «боливарианской революции». Важным инструментом этой политики стало созданное в 2006 г. Министерство по делам индейских народов (Ministerio del Poder Popular para los pueblos indígenas, MINPI). Низовые общины оказались охвачены созданной по всей стране унифицированной системой общинных советов, на базе которых в 2007 г. была сформирована параллельная сеть индейских организаций во главе с Боливарианской федерацией индейских общинных советов «Касик Гуайкайпуру». Стремясь сохранить самостоятельность движения, CONIVE выступил против массового вовлечения индейцев в состав Объединенной социалистической партии Венесуэлы (Partido Socialista Unificado de Venezuela, PSUV). В ответ с подачи правительства в начале 2008 г. была создана Национальная боливарианская индейская конфедерация Венесуэлы (Confederación Nacional Bolivariana Indígena de Venezuela, CONBIVE), состав и структура которой говорят о том, что она призвана занять в перспективе место CONIVE.

Все вышеназванные факторы обусловили серьезное ослабление индейского движения. Значительная часть индейцев отказалась от активной борьбы, взяв на себя роль исполнителя государственной политики. Ошибочность такой тактики обнаружилась в тот момент, когда стало очевидно, что государство не может пойти на осуществление всех требований индейцев, а главное, основополагающего требования о предоставлении им обещанного Конституцией 1999 г. права коллективной собственности на занимаемые земли. Речь идет, в первую очередь, об экономически и стратегически значимых приграничных регионах, где стремления индейцев вступают в противоречие с политикой правительства, направленной на усиление контроля над этими территориями и освоение их природных ресурсов. В связи с этим, несмотря на взятые государством на себя обязательства, разграничение земель шло медленно и на условиях, отличных от тех, на которых настаивали индейцы. В последнее время эта проблема приобрела особенную остроту, поскольку процесс выдачи документов оказался практически парализован, несмотря на активную работу CONIVE и других организаций, а также индейских представителей, входящих в состав законодательных органов власти. В связи с этим в адрес соответствующей государственной комиссии, правительства и самого президента звучит все более острая критика.

Выражая недовольство, индейцы в ряде штатов начали самовольно захватывать земли, которые считают своими исконными владениями. Примером такого конфликта можно назвать ситуацию, сложившуюся в регионе Сьерра-де-Периха (штат Сулия). Арест в октябре 2009 г. вождя одной из общин, С.Ромеро, активно выступавшего против планов правительства по освоению этой территории, вызвал многочисленные протесты правозащитников, экологов, индейских организаций. В начале ноября 2009 г. в г. Мериде состоялась встреча представителей индейских общин и различных общественных движений страны. Ее участники потребовали немедленно освободить Ромеро, «первого индейца — политического заключенного». Они осудили невыполнение государством обязательств по предоставлению индейцам прав на землю, выразили несогласие с политикой, направленной на «разъединение общин и разрушение их собственных организаций», и призвали к проведению в феврале 2010 г. общенациональ-

ного марша «За землю, достоинство и свободу народов», которые не должны «подвергаться манипуляциям и эксплуатации со стороны военно-чиновничьей касты». Один из выводов состоит в том, что далеко не всё из обещанного правительством будет или может быть реализовано на практике. По мере осознания этого коренными народами следует ожидать обострения отношений между индейскими организациями и государственными структурами. Тем не менее, несмотря на рост числа недовольных среди индейцев, большинство из них по-прежнему демонстрирует лояльность президенту Чавесу.

Т.А.ВОРОТНИКОВА, аспирантка ИЛА

«Андская утопия» как культурный ресурс политических изменений

Народы кечуа и аймара — современные носители древней андской культуры, наследники доколумбового государства инков, простиравшегося на высокогорьях Анд в границах современных Боливии, Перу, Эквадора и Чили. Объединяющей идеей, занимающей центральное место в определении сущности андской самобытности, является вера индейцев в реставрацию древней цивилизации и государственности Инков, которую перуанский историк А.Флорес Галиндо обозначает термином «андская утопия». Этот набор идиллических представлений об индейской цивилизации составляет мифологему андского человека.

Комплекс идей циклического времени, коллективного управления и общинных принципов экономического перераспределения, характерных для индейских культур, принципиально отличается от европейской системы ценностей. Боливийский исследователь П. Де Зуттер писал: «В противовес хроноцентрической и антропоцентрической цивилизации Запада андская цивилизация может быть охарактеризована как пространствоцентрическая и космоцентрическая. Мы должны критически пересмотреть все мифы о прогрессе и развитии, соответствующие западной парадигме». Зачастую в коллективном сознании наблюдаются идеализация индейского образа жизни и воспевание превосходства духовного мира индейцев над западным. Утверждается, что индейцам изначально присущи лишь положительные моральные качества, такие, как доброта, бескорыстность, честность, а все отрицательные черты были привнесены и переняты от испанцев. Во многом жесткий и деспотичный строй древних цивилизаций в восприятии последующих поколений превратился в идеальный миропорядок, где не было места несправедливости и угнетению.

Своего рода символом «андской утопии» является пророчество об Инкарри. Согласно мифу, тело умершего Инки возродилось под землей в ожидании подходящего момента, для того, чтобы появиться вновь в реальном мире. Этот сюжет тщательно воспроизводился в ритуальных танцах и представлениях, сохраняя тем самым веру в возвращение вождя. Смерть легендарных индейских лидеров (Тупак Амару II, Тупак Катари, 1781 г.) означала конец буквального восприятия мифа и его переход из религиозно-философской в политическую плоскость. Смыслом «андской утопии» стала надежда на построение истинно справедливого общества на основе древних устоев. Такое понимание было характерно, например, для Х.Мариатеги, искавшего новые формы политической организации в Латинской Америке и видевшего альтернативу западной модели модернизации в построении социалистического общества.

В этом отношении интересны этнополитические процессы, происходящие в современной Боливии. Президентом Э.Моралесом был предложен самобытный проект развития страны, представлявший собой синтез «регрессивной утопии» и модели «социализма будущего», вполне укладывающийся в сознание индейского большинства. Об обращении к мифу свидетельствует посвящение президента в Апумалку, т.е. верховного правителя индейцев. Использование глубинных механизмов социальной и культурной памяти привело к тому, что политика «деколонизации Боливии» была с энтузиазмом воспринята населением. Моралесу удалось придать новый смысл национальной гордости и противопоставить индейскую самобытность глобализирующемуся миру, что открыло путь к поиску новых форм государственного устройства и этнокультурного взаимодействия. В заключение приведем слова А.Флореса Галиндо, которые пока, к сожалению, не опровергнуты: «Для людей, у которых нет надежды, «андская утопия» — это вопрос истории, обрекшей их на отчуждение».

А.А.ШИНКАРЕНКО, научный сотрудник ИЛА

Амазония перед вызовами нестабильности

События в перуанской Амазонии показали, что индейские общины больше не хотят мириться с расхищением их природных богатств. Начиная с 9 апреля 2009 г. представители 64 амазонских племен Перу в департаменте Амасонас начали проводить кампанию против «Закона о сельве» N 1092, который открыл ТНК доступ к ресурсам на общинных землях, ранее считавшихся неотчуждаемыми. В законе был упрощен пункт о процедуре взаимодействия ТНК и туземных общин. Такое наступление на индейскую автономию, по замыслу правительства А.Гарсиа, должно было существенно расширить район добычи нефти и других полезных ископаемых в регионе. Примечательно, что на сегодняшний день до 70% территорий перуанской Амазонии находятся в концессиях. Протестные акции аборигенов, первоначально хотя и носили мирный характер, сопровождались блокированием дорог, водных каналов, а также перекрытием нефтепроводов. Руководящую роль в организации акций взяла на себя Межэтническая ассоциация развития перуанской сельвы (Asociación interétnica de desarrollo de la selva peruana, AIDECER) во главе с А.Писанго. Примечательно, что действия индейцев были поддержаны правозащитниками и рядом иерархов церкви, которые после известных событий потребовали от перуанского правительства заморозить соглашения с нефтяными ТНК.

Решение парламента вернуться к обсуждению закона о разработке полезных ископаемых в регионе встретили яростное сопротивление со стороны индейских общин. В начале июня 2009 г. в амазонском городе Багуа полицейские силы в составе 600 человек предприняли попытку очистить участок Панамериканского шоссе, блокированного протестующими. Этот отрезок транспортной артерии был оцеплен 5000 членами племен авахун, уампис и уамбиса. В ответ на использование силовиками слезоточивого газа и огнестрельного оружия общинники применяли лишь простые стрелы. Ситуация обострилась после того, как полицейские и военные части для установления правопорядка начали использовать вертолеты и бронемашину против фактически безоружного населения. В результате столкновений погибли до 40 человек и около 150 получили ранения различной степени тяжести. Эти события стали крупнейшими за 20 лет

протестными акциями с применением насилия. Также погибли по меньшей мере 23 полицейских. По данным индейских правозащитников, в результате данного инцидента от полученных увечий скончались 40 аборигенов, в том числе и трое детей. Все случившееся привело к правительственному кризису и поставило под вопрос дальнейшую судьбу миллиардного контракта между перуанским правительством и нефтяными ТНК на разработку нефтяных месторождений в Амазонии. Глава кабинета министров И.Симон был вынужден уйти в отставку. От лица правительства он принес индейским лидерам извинения за попытки администрации провести декреты о нефтедобыче в амазонской сельве. Заметим, что наибольший интерес к ресурсам Амазонии проявили англо-французская «Perenco» и испанские «Repsol» и «Cepsa».

Иной же была позиция президента А.Гарсиа, который назвал протестные акции в Багуа «подрывной деятельностью против основ демократии». При этом он подчеркивал факты жестокого обращения индейцев с пленными полицейскими, проводя параллели со зверствами сендеристов, а также то, что в случившемся, вероятно, есть «след вмешательства» ALBA. Один из руководителей протестных акций АИДЕСЕР А.Писанго обвинялся в том, что его действия привели к кровопролитию. Примечательно, что после подавления восстания он получил политическое убежище в Никарагуа, участнице ALBA.

Резюмируя, можно сказать, что зона Амазонии стала центром социальных и этнических волнений. Коренные общины, населяющие ее, перешли к сопротивлению, защищая свои земли. Это создает определенные трудности при налаживании диалога с ними. Для индейцев понятие автономии тесно связано с неприкосновенностью территорий их компактного проживания. Любые попытки реализации законов о разработке полезных ископаемых в сельве вызвали и будут вызывать дальнейшую социальную мобилизацию ее населения, которую, на наш взгляд, нельзя будет остановить, если при решении задач по нефтедобыче не будет уделяться необходимое внимание сбалансированному социально-экономическому развитию этого региона.

А.Л.ЧЕРНЫШЕВ, научный сотрудник ИЛА

Индийские автономии в Мексике

В конце XX в. в конституции многих стран Латинской Америки были внесены поправки, связанные с правами коренного населения. Хотя в большинстве случаев реформы носили формальный характер, это стало важным шагом на пути к этническому и культурному плюрализму в регионе, и сегодня правительства Боливии, Эквадора, Гватемалы, Перу, Мексики ищут способы на практике реализовать новый статус автохтонного населения. Однако индейцы являются не только объектом государственной политики, но и сильным самостоятельным актором. В качестве важнейшей задачи их политической борьбы выдвигается идея автономии, являющаяся одним из главных проявлений этнического самосознания и определяющая стремление коренных народов к участию в политической жизни.

В Мексике концепция автономии имеет долгую историю. Почти все индейские движения с колониальных времен стремились к самоуправлению. Новая волна роста этнического самосознания относится к середине 1970-х годов, когда стихийно возникавшие индейские организации фактически брали курс на полу-

чение автономий. Более конкретные очертания идея автономии получила в середине 1990-х годов в процессе консолидации широкого индейского движения. Большинство организаций разделяло мнение о том, что одна из главных причин бедственного и угнетенного положения индейцев — крайний централизм действующей власти. Ситуацию могла изменить глубокая реструктуризация политической и экономической систем и осуществление проекта автономий. Так, в середине 1990-х годов в Мексике было создано два проекта автономий. Согласно первому из них — проекту мультиэтнических автономных регионов, — различные этнические группы должны были проживать на исторически заселенных ими территориях, подчиняясь региональным органам управления. Это предполагало политическую и административную децентрализацию и создание четвертого уровня власти. Особенностью этого проекта стала попытка объединить различные этносы в региональные, панэтнические альянсы. Второй проект автономии, напротив, был основан на идее о том, что индейскую идентичность лучше всего сохранять внутри местной общины. В этом случае ключевыми элементами для построения альтернативного политического и правового порядка считались традиции и обычное право.

Правительство резко негативно отреагировало на оба проекта. Несмотря на это, в разных штатах Мексики появлялись самоуправляемые общины. Реакция властей на создание автономий *de facto* была разной: от снисходительного отношения до активного сопротивления. Уникальная ситуация сложилась в Оахаке, где в сентябре 1995 г. был принят закон, разрешающий проведение муниципальных выборов на основе нравов и обычаев без участия политических партий. В ноябре 1995 г. уже 412 муниципалитетов выбирали своих лидеров в соответствии с индейским правом; в 1998 г. к ним присоединились еще шесть.

В научных кругах дискуссия относительно предоставления автономии коренным народам ведется, как правило, с позиций либеральной демократии. Сторонники индейского самоуправления апеллируют к их праву на свободное самоопределение. Но следует признать, что автономия, отвечая коллективным интересам, может противоречить конституционным индивидуальным гражданским правам и создавать дискриминационные условия. Например, женщины имеют право голоса всего в 76% муниципалитетов, управляемых на основе обычного права, а право занимать административные должности — в 72%. Говоря о природе такой дискриминации, можно выделить два вида индейских автономий. Во-первых, основанные на традиционализме, в которых исторически принижается роль женщины. Во-вторых, носящие антисистемный, социалистический, как в случае сапатистов, характер. В этом случае внутри общин происходят существенные изменения, касающиеся участия в политике женщин. Неслучайно тема гендерного равенства является одной из ключевых в сапатистской борьбе. Практика индейского самоуправления предполагает, что индейские общины сами будут принимать решения о своей судьбе. Это важный шаг на пути к построению культурного плюрализма, децентрализации власти и развитию гражданского общества. Отдельную роль в этом процессе могут сыграть правозащитные организации, задача которых гарантировать соблюдение не только коллективных прав индейских народов, но и индивидуальных прав индейцев как граждан.